

DOI: 10.31425/0042-8795-2021-6-262-265

С. Третьяков. Хочу ребенка! СПб.: Алетейя, 2018. 376 с.

НИКОН ИГОРЕВИЧ КОВАЛЕВ

кандидат филологических наук

Институт мировой литературы
имени А. М. Горького
Российской академии наук
(121069, Российская Федерация,
г. Москва, ул. Поварская, д. 25а;
email: nikong0@yandex.ru)

Аннотация. В рецензии анализируется
новое издание пьесы С. Третьякова «Хочу
ребенка!». Впервые пьеса опубликована

в двух версиях, до и после цензурного
вмешательства, что позволяет проследить
как за замыслом автора, так и за работой
цензурных инстанций. Авторы книги
детально разбирают разночтения между
вариантами пьесы, а также кинолибретто
по ее мотивам.

Ключевые слова: С. Третьяков, ЛЕФ,
советская драматургия, кинолибретто,
цензура.

Рецензия поступила 15.04.2021.

© 2021, Н. И. Ковалев

Tretiakov, S. (2018). *I Want a Baby!* [*Khochu rebyonka!*]. St. Petersburg: Aleteya. (In Russ.)

NIKON I. KOVALYOV

Candidate of Philology

A. M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences
(25a Povarskaya St., Moscow, 121069,
Russian Federation;
email: nikong0@yandex.ru)

Abstract: The review deals with the new
edition of *Khochu rebyonka!* [*I Want a
Baby!*] — a play by LEF's most prominent
playwright Sergey Tretiakov. It is for the first
time that two versions of the play — before
and after the cuts made by censors — are
published. T. Hofmann and E. Ditschek
carefully examine discrepancies between
the two versions of the play and the film
libretto it inspired, as well as archived
records of the play's discussions that
involved Meyerhold, Terentiev, and other

prominent figures of early Soviet theatre.

It seems that the only disadvantage
of the book is its poor adaptation for
a Russian reader; explanatory notes often
read as if copy-pasted from the German
publication. Perhaps, the most exciting
part of the book is Tretiakov's explanations
of his plot and transcripts of the play's
discussions at Repertkom (the Main
Repertoire Committee). As a result, the book
comprising two versions of the play,
the author's comments, opinions of
Tretiakov's contemporaries and comments
of modern scholars emerges as a discussion
of Tretiakov's discussion play.

Keywords: S. Tretiakov, LEF (Left Front
for Arts), Soviet drama, a film libretto,
censorship.

The review was received on 15 Apr. 2021.

© 2021, N. I. Kovalyov

Первое комментированное издание пьесы одного из ключевых советских драматургов 1920-х годов Сергея Третьякова (1892–1937) — событие исключительной важности. Творчеству Третьякова, соратника Маяковского и Эйзенштейна, после смерти автора — он был репрессирован в 1937 году — уделяется незаслуженно мало внимания; исключения составляют небольшие всплески интереса в оттепель и перестройку. Настоящая книга — первое почти за тридцать лет издание его художественных произведений. А ведь Третьяков заслуживает большего — хотя бы потому, что своим учителем его считал Бертольт Брехт. Именно благодаря Третьякову, по всей видимости, Брехт познакомился с концептом остранения Шкловского и с китайским театром, и это влияние во многом стало определяющим для брехтовской драматургии. «Рычи, Китай!» (1926) Третьякова стала первой советской пьесой, с успехом шедшей на международной сцене, а сам автор выступал в Европе с лекциями о социалистической литературе и коллективизации, вызывавшими широкие дискуссии.

Настоящая книга представляет собой издание запрещенной советской цензурой пьесы «Хочу ребенка!» (1926–1929), точнее, двух вариантов этой пьесы — до и после первоначального ее запрещения Главреперткомом. Второй вариант публикуется по-русски впервые. Стоит отметить тщательную работу подготовителей книги, Татьяны Хофман и Эдуарда Дичека: помимо упомянутых двух вариантов в издание включено и кинолибретто (для готовившейся кинопостановки Абрама Роома), а также архивные материалы обсуждений пьесы, в которых принимали участие Мейерхольд, Терентьев и другие крупные деятели раннесоветского театра. Пожалуй, единственный недостаток книги — ее недостаточная адаптированность для русского читателя. Это сказывается в несколько небрежном переводе сопроводительных статей, изобилующем кальками с немецкого. Кроме того, и примечания порой выглядят механически перенесенными из немецкого издания книги.

Пьеса посвящена крайне современной, можно сказать, феминистской теме — желанию главной героини Милды завести ребенка без участия мужчины в его воспитании. При этом отца Милда выбирает по законам евгеники, что дало Б. Брехту в его немецкой обработке пьесы (к сожалению, так и не поставленной на сцене) возможность усилить аналогии с идеями национал-социалистов. Критики называют пьесу «евгенической драмой», и для этого есть основания. Вот как Милда излагает свои взгляды на деторождение: «При плохой постановке производства получается некачественный продукт. При неправильной постановке

воспроизводства получают плохие люди; от зараженных родителей — зараженные дети, от пьяных родителей — слабоумные дети, от умственно ненормальных — дети-самоубийцы» (с. 170).

Однако евгеника по большому счету является лишь побочным мотивом в *Хочу ребенка!* и осмыслиется в пьесе не во всей своей серьезности, а в комедийном ключе: свидетельством чему может служить — осторожно, спойлер — своеобразный хеппи-энд, разворачивающийся на выставке детей, организованной в лучших традициях выставок достижений народного хозяйства.

Первая версия пьесы не чуждается критики советских порядков — так, отрицательным персонажем здесь оказывается управдом; женский вопрос заострен сильнее — ключевым эпизодом становится жуткая сцена изнасилования. Во второй версии эти спорные с точки зрения цензуры моменты были убраны. Кроме того, если в первой версии повествование дробится на отдельные картины из советской жизни, то во второй версии сюжет развивается более линейно, добавлены объясняющие действие сцены у врача-гинеколога, акценты расставлены более однозначно.

Важный аспект творчества Третьякова, как и других ЛЕФовцев, — полемика с классической русской литературой. Излюбленными мишенями Третьякова были Толстой, Достоевский и Тургенев (один сборник Третьякова о колхозной жизни носил издевательски позаимствованное у Тургенева заглавие *«Месяц в деревне»*). В *«Хочу ребенка!»* любопытны пассажи-пародии на фраппирующие изречения Писарева или тургеневского Базарова: *«Рядовой человек в социалистическом обществе будет равен пяти Пушкиным»* (с. 188).

Дмитрий Быков, перепечатавший первую версию пьесы в своей антологии советской литературы 1920-х годов *«Маруся отравилась»* (2019), пишет в предисловии к антологии: *«“Хочу ребенка!” — общий вопль страны, понадеявшейся на своих новых граждан — и целенаправленно истребившей их <...> Странное дело: ребенок — символ новой жизни <...> не вписывается в атмосферу двадцатых начисто»* [Быков 2019: 22–23]. Не касаясь спорного вопроса о предвидении Третьяковым сталинских репрессий, нужно отметить, что Д. Быков в целом верно подмечает проблематику пьесы.

Как уже отмечалось выше, пьеса планировалась к экранизации А. Роомом, режиссером *«Третьей Мещанской»* (1927). Пьеса Третьякова сходна со знаменитым фильмом Роома смелой для начала XX века трактовкой сексуальной тематики, так что остается только сожалеть, что экранизация не была осуществлена. Вообще опубликованный в книге сценарий (или «кинолибретто») значительно отличается от обоих вариантов пьесы. Быков в своем

предисловии охарактеризовал «Хочу ребенка!» как «несколько тяжеловесную» пьесу [Быков 2019: 22]. Отчасти с этим можно согласиться, хотя Третьяков изначально полемизирует с легкими сюжетными пьесами на схожие темы, это скорее драма идей, пьеса-дискуссия об актуальной повестке. Однако киносценарий действительно гораздо более динамичен, чем пьеса, умело использует чисто кинематографические приемы, характерные для немого кино вообще и раннесоветского в частности: выхватывание важной для сюжета детали крупным планом, резкий монтаж и т. д. Также для сценария характерно новаторское сочетание документального и художественного начала. Согласно сценарию, в фильм предполагалось вставить документальные кадры съемки процесса оплодотворения, которые порой весьма причудливо сочетаются с игровым, реалистическим действием: «Милда смотрит в лицо Якова. Это лицо превращается в голову младенца. Младенец ослепительно улыбается. Голова младенца превращается в полупрозрачный шар, катящийся по зыблемой ниве ворсинок. Сумасшедшие жгуты сперматозоидов переключаются на спокойный шар. Шар стекленеет» (с. 209).

Возможно, самое интересное во всей книге — экспликации Третьякова, поясняющие его замысел, и стенограммы обсуждений пьесы в Главреперткоме. Третьяков задумывал свою пьесу как пьесу-дискуссию, а Мейерхольд планировал ее поставить с участием автора, чтобы тот критиковал игру актеров прямо из зрительного зала. В итоге, представляя как само произведение в двух версиях, так и авторские комментарии, мнения современников и комментарии нынешних исследователей, — сама книга Хофман и Дичека получилась своеобразной дискуссией о пьесе-дискуссии Третьякова.

Литература

Быков Д. От составителя // Маруся отравилась. Секс и смерть в 1920-е. Антология / Сост. Д. Быков. М.: АСТ, 2019. С. 9–37.

References

Bykov, D. (2019). Editor's note. In: D. Bykov, ed., *Manusya has poisoned herself. Sex and death in the 1920s. An anthology*. Moscow: AST, pp. 9-37. (In Russ.)